

Сочинению, которым открывались три первые книжки журнала, издатели, конечно, придавали большое значение и потому оно заслуживает особого внимания.

По своему содержанию «Федон» — это произведение сложное, имеющее много разнообразных аспектов. Центральная идея Мендельсона — обоснование бессмертия человеческой души. Многие соображения, высказанные немецким философом в связи с развитием этой идеи, оказались близки и созвучны А. Н. Радищеву в период его работы над трактатом «О человеке, о его смертности и бессмертии», сочинением, которое «подводило итог философским спорам 80-х годов, помогало формированию новой морали».⁷ Исследователь Х. Грасхоф (ГДР) недавно убедительно показал, что «Радищев при доказательстве бессмертия человеческой души в важнейших пунктах использовал аргументацию Мендельсона, сочинению которого, известному во всей Европе, — „Федон, или О бессмертии души“ (1767), — он следовал в важнейших частях, но обогатил примерами, взятыми из современности и русской жизни».⁸

В связи с изучением формирования литературно-философских взглядов Карамзина немецкий ученый Х. Роте довольно подробно охарактеризовал произведение Мендельсона и развернувшуюся вокруг него полемику в Германии.⁹ Исследователь заметил, что многие идеи «Федона» были близки русским масонам-литераторам, членам новиковского кружка. Однако на русский перевод «Федона» в «Утреннем свете» Х. Роте не обратил внимания.

Высокое представление о человеке и его нравственных возможностях — вот что в первую очередь привлекало издателей «Утреннего света» в сочинении Мендельсона. Здесь развивалась мысль о том, что вся природа, все животные должны быть полезны человеку, который занимает «в великом мире первейшее место».¹⁰

Представление о человеке как о «совершеннейшем творении бога» было очень существенно для Новикова. В «Предупреждении» к «Утреннему свету», статье программного характера, говорилось: «Все три царства природы были бы для нас немногоченны, если б нам опыты не доказывали, что человек всего одного сотворен владыкою. <...> Все нам доказывает, что между видимыми вещами, кои в течение толиких лет мы узнали, ничего презыщнее, величественнее и благороднее человека и его от источника благ происходящих свойств не находим».¹¹ Эта же идея под-

⁷ Макогоненко Г. П. Радищев и его время. М., 1956, с. 508.

⁸ Grasshoff H. A. N. Radiščev und Moses Mendelssohn. — In: Slawisch-deutsche Wechselbeziehungen in Sprache, Literatur und Kultur. Berlin, 1969, S. 338.

⁹ См.: Rothe H. 1) Karamzinstudien II. — Zeitschrift für slavische Philologie, 1962, B. XXX, H. 2, S. 275—288; 2) N. M. Karamzins europäische Reise: der Beginn des russischen Romans. Berlin—Zürich, 1968, S. 66—69.

¹⁰ Утренний свет, 1777, ч. I, с. 228.

¹¹ Там же, с. X—XI.